

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК ОДИН ИЗ МЕХАНИЗМОВ ВКЛЮЧЕНИЯ ЛЕКСЕМ С ГЕТЕРОГЕННЫМИ РЕФЛЕКСАМИ *tj В РУССКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК

Науковий вісник Ужгородського університету. Серія: Філологія. Соціальні комунікації. Випуск 22.

УДК 821.161.1'06: 821.161.1'04;

Бекасова О. Семантичний фактор як один із механізмів включення лексем з гетерогенними рефлексами *tj в російську літературну мову; 11 стор.; бібліографічних джерел – 23; мова російська.

Анотація: У статті розглядається дія семантичних чинників при відборі корелятивів зі східнослов'янськими та південнослов'янськими за походженням рефлексами *tj, що дозволяє виявити специфіку організації гетерогенної системи російської літературної мови.

Ключові слова: рефлекси *tj, семантичні чинники, гетерогенна система російської літературної мови.

Summary: In the article „Semantic factor as one of mechanisms of including the words with heterohenic reflexes *tj in literary Russian” the semantic factors are researched as the examples of correlates selection with East-Slavonic and South-Slavonic reflexes *tj. It allows to discover the specific organization of the heterohenic system of literary Russian.

Keywords: reflexes *tj, semantic factors, the heterohenic system, literary Russian.

В исторической русистике достаточно рано проявился интерес к гетерогенным рефлексам *tj, отражающим взаимодействие восточнославянских и южнославянских элементов в истории русского литературного языка. В силу своей исключительной важности для определения своеобразия становления и развития русского литературного языка данные рефлексы были постоянно в поле зрения лингвистов XIX–XX вв. Начиная с Ф.И. Буслаева [14: 70] сложилась традиция семантического и стилистического противопоставления слов с различными результатами реализации рефлексов праславянских сочетаний, в которую достаточно хорошо вписываются исследования наиболее популярной и хорошо изученной на всех этапах развития русского языка группы лексем с полногласными и неполногласными сочетаниями. Действие других факторов дифференциации коррелятов (например, фонетического и морфологического) в этой группе оказалось в значительной степени ослабленным. Подобный подход распространился и на наименее изученные, но наиболее значимые в силу широкой представленности в системе языка лексемы с рефлексам *tj, *dj. Так, Б.А. Успенский, традиционно оценивая «коррелятные полногласные и неполногласные пары – такие, как *страж – сторож, хлад – холод, глава – голова, власть – волость, хранить – хоронить, бремя – беременный* и т.п.», считает необходимым подчеркнуть, что «совершенно такие же семантические отношения характеризуют и коррелятные слова церковнославянского и русского происхождения, противопоставленные по другим признакам (не по признаку полногласия), ср., например: *свеща – свеча, небо – нёбо, падеж – падёж* и т.п.» [21: 185; 22: 129]. Однако большинство исследователей памятников древнерусской и церковнославянской письменности на фоне разнообразия полногласных и неполногласных лексем отмечают своеобразную «некоррелятность» представления

рефлексов *tj и *dj, где «распределение написаний типа *одежа/ночь*, свойственное древнерусским литературным текстам, не соответствует ни старославянскому (*одежда/ночь*), ни разговорному восточнославянскому (*одежа/ночь*)» [19: 259].

Таким образом, констатация семантического размежевания генетически соотносительных слов с рефлексам праславянских сочетаний требует тщательной и всесторонней проверки, так как в большинстве случаев выделение одного фактора не объясняет специфику отбора и закрепления того или иного члена пары из сосуществующих в арсенале русского языка слов и не позволяет ответить на целый ряд вопросов, касающихся гетерогенной организации русского литературного языка. Этим обусловлена основная цель данной работы – выявить специфику семантического размежевания коррелятов с восточнославянскими или южнославянскими по происхождению рефлексам *tj. Данная цель предопределяет решение следующих задач: 1) установление и описание инвентаря коррелятов с указанными диагностирующими признаками, определение их семантической структуры; 2) рассмотрение действия семантического фактора в отборе и закреплении определённого коррелята в системе русского языка. Настоящая статья, являющаяся частью нашего диссертационного исследования, базируется на материале оригинальных и переводных памятников восточнославянской и старорусской письменности различной временной, территориальной и жанровой принадлежности; произведений писателей и общественных деятелей, на материалах бытовой и деловой письменности периода складывания норм национального русского языка. Используются также словари – «Словарь русского языка XI–XVII вв.» [9, 10, 11], «Словарь русского языка XVIII в.» [12] и др.

Наши исследования [16; 17] показывают, что реализация рефлексов праславянских сочета-

ний *tj, *dj в корневой финали определялась спецификой соотношения морфем, которые изначально были неодинаковыми для генетически неоднородных альтернантов. Позиционное размежевание альтернантов обусловило формо- и словообразовательную дифференциацию соответствующих образований. В результате прохождения через «позиционный фильтр» количество оппозиций, нуждающихся в устранении или маркировке, было незначительным. Однако имелись и существенные различия, касающиеся прежде всего невозможности в абсолютном большинстве случаев употреблять *ч* вместо *щ* или, наоборот, *щ* вместо *ч* в образованиях с полной морфонологической парадигмой, где рефлекс был закреплён во всех её звеньях, ср.: *защитити* – *защитати*, *защичу*, *защиченъи*, *защичение* и *молотити* – *молачивати*, *молочу*, *молоченъи*, *молочение* и др. Судя по «Словарю русского языка XI–XVII вв.», такие вполне

оформившиеся образования составляют 88,32% (с восточнославянским по происхождению рефлексом – 66,57%, с южнославянским – 21,75%). И только в оставшихся 11,68% образований наблюдается гетерогенность рефлексов *tj, что обусловило необходимость определения специфики дифференциации данных генетически соотносительных коррелятов в цепи образований с полной парадигмой морфонологических чередований.

Как показал анализ целого ряда оригинальных и переводных памятников восточнославянской и старорусской письменности различной временной, территориальной и жанровой принадлежности, а также наиболее значительных словарей русского языка XI–XVIII в. (см. 1-13 и др.), обычно размежевание подобных пар наблюдается в лексико-семантическом плане, что отражено в таблице 1, составленной на основе «Словаря русского языка XI–XVII вв.» [9]:

Таблица 1. Семантическая структура морфонологических коррелятов с рефлексами *tj

Альтернант [ч]	Альтернант [щ]
Извѣчати 1. Сообщать, объявлять, отвечать. 1474 г. 2. Удостоверять, свидетельствовать, заявлять. XV вв. ~ XIII в.	Извѣщати 2. Сообщать, уведомлять, давать знать. XV в. ~ XIII в. 1. Подтверждать, свидетельствовать; удостоверять. 1242 г. 3. Рассказывать, говорить. 1076 г. 4. Доносить, жаловаться. 1626 г.
Извѣчивати . То же, что извѣчати (в знач. 2). 1557 г.	Извѣщевати . 1. Говорить, произносить. XVII в. 2. Обещать. XVI в.
–	Извѣщавати . 1. То же, что извѣщевати (в знач. 1).
Свѣченье . Освещение. 1563 г.	Свѣщенье . То же, что свѣтенье (в знач. 1. Излучение света, горение). XV в. 2. Просвет, проём. 1499 г.
Освѣчати . Освещать, озарять. 1594 г.	Освѣщати . Освещать, озарять; тж. Образно. XI в.
Освѣчатиса . Освещаться, озаряться. 1670 г.	Освѣщатиса . 1. Отражать свет, отсвечивать. XVI в. 2. <i>Перен.</i> Прозреть, приобретать способность постичь истину. XII–XIII вв.
–	Освѣщевати . Освещать, озарять. 1620 г.

На первый взгляд, различия между приведёнными в таблице 1 значениями лексем укладываются в типичное русло, особенно в тех случаях, когда один из оппозиций характерен для сакральных текстов: слова с южнославянскими по происхождению альтернантами чаще всего имеют абстрактные и переносные значения. Однако проведённый анализ показал, что данное утверждение по отношению к указанному списку требует существенной корректировки. Во-первых, семантический «зазор» между генетически соотносительными коррелятами весьма невелик, более того, имеются все основания утверждать, что в семантической структуре слов больше тождества, чем различий. Во-вторых, корневые морфы данных образований в указанный период характеризуются предпочтительностью употребления южнославянского по происхождению рефлекса *tj, что в совокупно-

сти с крайне редкой употребительностью искомого члена пары в древнерусской письменности и узким спектром текстов, для которых чаще всего характерны соответствующие южнославянские различия в разных списках, редакциях и внутри одного и того же произведения, позволяет рассматривать наличие восточнославянского альтернанта как результат своеобразной акклиматизации южнославянизма на русской почве. Об этом, в частности, свидетельствует приведённый в таблице 2 иллюстративный материал. В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» значения слов с южнославянскими по происхождению рефлексами сопровождаются, как это принято, двумя цитатами из достаточно показательного списка памятников: «Успенский сборник» XII–XIII вв. (*извѣщавати*, *восплачатиса*, *освѣчатиса*, *похищати*), Великие Минеи Четьи (*извѣщевати*, *восплачати*, *похища-*

ти), Хроника Иоанна Малалы (*извѣцати*), «Изборник» 1076 г. (*извѣцати*), Геннадиева Библия (*свѣцение*), «Богословие» святого Иоанна Дамаскина (*свѣцение*) и под.

Значение соотносительных слов с исконным альтернантом иллюстрируется одним примером вместо двух, что «чаще всего свидетельствует о том, что в Картотеке нет второй полноценной цитаты или есть другие цитаты из этого же памятника или из памятников этого же времени, этого же жанра» [11: 14]. Достаточно характерен и реестр памятников, в которых они фиксируются:

«Псковская летопись», «Акты социально-экономической истории северо-восточной Руси конца XIV – н. XVI в.»; «Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России (1432–1699 гг.)», «Книга расходная Николаевского Корельского монастыря» 1551 г., «Назиратель» и под.

Показательны в этом плане сопоставления аналогичных морфонологических вариантов, представленные в таблице 2:

Таблица 2. Сравнение значений лексем с гетерогенными рефлексами *tj

Альтернант [ч]	Альтернант [щ]
<p>воспачати. <i>Возрацать кого-л., что-л. Аще волове или овни снидуться аще первый провоненъ бѹдетъ или ѹтолченъ, не въспачаетъ</i> господинъ ѹбившаго, аще ли на него же наидет и ѹмрет <i>въспачаетъ</i> господинъ ѹбившаго [Кормчая Балашева, с прибавлениями, 597 об. XVI в.];</p>	<p>воспачати. 1. <i>Обрацать вспять. И сраженню бывшѹ, прѣвѣе ѹбо краль воспачетъ агаранъ</i> [Русский хронограф (редакция 1512 г.)].</p> <p>2. <i>Удерживать, оттягивать от чего-л. И такоже кона аще видимъ низъ брегъ идѹща, ѹзду вложивъ въспачаемъ и многаци внемъ, таже сна мѹка бываетъ и спасенню вина</i> [Великие Минеи Четьи, Сент. 1–3, 574. XVI в.];</p>
<p>похичати. <i>То же, что похищати (в знач. 2), приобретать (?). Иванѹ Бръевичѹ поѹдчи в мнстръ дано 7 алтынъ, митрополитѹ вина скланецъ 6 алтнъ четыре деньги, раскѹ похичал 6 денег, да севѣ на ѣствѹ</i> [Книга расходная Александрова Свирского монастыря. №6, 126. 1624 г.]</p>	<p>похичати. 1. <i>Схватывать, хватать. Свѣщенника бо еже обличати точно есть и дерзновение показовати, а не оружиа подвизати, ни щыгы похичати, ни копиа потрасатино точнию обличати и дерзновение показовати</i> [Велики Минеи Четьи, Сент. 14–24, 992. XVI–XV вв.]</p> <p>2. <i>Обретать, приобретать получать что-л. Не человекѣское похичати имѣние, но богообѣщанное</i> [Житие Ионы митрополита Московского, 18 об. XVI в.]; <i>Вышла со тццанием царьствие божие похичати</i> [Собрание Вассиана Патрикеева, 412. XVII 508 г.]</p> <p>3. <i>Похищать, утаскивать, уносить; т.ж. образно и перен. Азъ есмь въ матеж ихъ похичаю, и на праздники мирския съвѣкѹпלאю, и чревоовнаденнемъ тѣхъ въмещѹ въ ровъ</i> [Великие Минеи Четьи, Дек. 31, 2588. XVI–XIV в.]; <i>Скверный царь, нечестна своего великим гневом наполнивси разгарашеся яко огонь, пламенными ѹсты ѹстрашаша и похичаша, и поглощаша, яко овца, смиренныа люди рѹсские</i> [Казанская история, 48. XVI в.]; <i>Во многихъ мѣстѣхъ похичаема животина всякаа моровымъ повѣтреемъ</i> [Архив Строева, т.2, 1132. 1643 г.]; <i>Смерть бо не смотрит на вса людеи саны, вся похичает до темныа тмы</i> [Грамотки XVII – н. XVIII вв., 57]; <i>Егда человекъ летитъ, егда змии бываесть, а егда чюжаа похичаетъ, тогда волкъ бываесть</i> [Аввакум. Книга Бесед, 244. XVIII в. 1675 г.]</p>

Материал таблицы 2 подтверждает высокую степень адаптации церковнославянизмов на русской почве. Ср. менее широкое распространение аналогичного явления в кругу лексем с южнославянским рефлексом *dʲ, что было обусловлено затруднениями его фонетической адаптации, которая не была столь успешной, как для южнославянского рефлекса *tj, в фонетической системе восточнославянского языка [см. 15, 18].

Наряду с этими «русифицированными образованиями» (по терминологии П. Д. Филковой [23]) в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» фиксируется незначительное количество дублетов с альтернантами *tj (3,18% от общего числа образований в гетерогенном облиции), например: *позлаченныи – позлащенныи; злаченныи – золоченныи –*

злаченныи; поглочати – поглощати, возвращати – ворочати. В памятниках письменности корреляты типа *позлаченныи – позлаченныи* (7 1097: л. 302), *уврацати – уврачати* (13, III) фиксируются как исключение при типичном соблюдении генетической однородности элементов в пределах корня. Для рефлексов *dʲ, входящих в смешанный тип альтернации, указанные морфонологические варианты были не редкостью.

Именно в отношении таких дублетов с генетическим соответствием элементов в определённой степени возможно говорить о стилистической маркированности, при этом, по всей видимости, в большинстве случаев здесь следует признать ведущую роль признака полногласие/неполногласие, что показано в таблице 3:

Таблиця 3. Примеры сочетаемости одномаркированных признаков

Полногласие + [ч]	Неполногласие + [ш]
<i>Ворочати</i> ем҃ мнлость [4: 62 об.]; онын товарь не <i>ворочаеть ся</i> [3: 80]; <i>А</i> он, Пашков, стал их <i>ворочать</i> и хочет замуж отдавать [1: 32]; Да и то по христиански ли у тебя делается... по твоим окааным грамотам... людеи от себя <i>отворачаютъ</i> назад... [5: 235]; <i>Да</i> здесь <i>А</i> лексенко подъячен на поместие живет, да <i>ни</i> пивса пиан, <i>влез</i> в часовну, да <i>снлв</i> с лавицы икону <i>Успения</i> Пречистые, да на нее <i>скверну</i> воду спущал, а иные иконы <i>вверх</i> ногами <i>переворочал</i> [2: 380];	Таких подвижников <i>Бог</i> не рачит, но <i>отвращаетса</i> [1: 241]; <i>Благодать</i> же <i>всесв</i> ятого <i>Духа</i> <i>превращена</i> же на антихристову р҃ку [5:315] и под.

Примеры сочетания разномаркированных признаков типа *сокращаются* (неполногласие + [ч]) в нашем материале представлены небольшим количеством.

Как правило, выбор рефлексов *tj по стилистическим причинам был возможен чаще всего в

случае употребления образований от генетически разнооформленных корней (от)вѣт-, (со)вѣт-, -крат-, не успевших подчиниться четкой системе распределения гетерогенных рефлексов *tj. Ср. примеры в таблице 4:

Таблиця 4. Примеры разнооформленных слов с родственными корнями

Альтернант [ш]	Альтернант [ч]
<i>Отвѣщан</i> ны, красота апостольская <i>Иоанне</i> , <i>отвѣщан</i> к сим [5: 181] <i>И</i> та им о <i>Христе</i> <i>отвѣщал</i> сице [1: 457]	<i>А</i> мне до того ни до чего дела нет! <i>Вперед</i> о том не докучайте: воистину ни о чем не <i>отвѣчивати</i> [5: 192]; Так и слѣшать не захотел, <i>а</i> заревет, да закритит: не указывай, <i>а</i> не тебе за меня <i>отвѣчать</i> [1: 561];
<i>Но</i> добрыи страдалец [Иван Грозный] <i>прикращает</i> многонародных гласов молву [6: 248]	<i>А</i> писали в грамоте <i>в</i> искуп и все паны: уже лета <i>сокращаются</i> перемирные [6: 152 об.] и др.

Приведённые в таблице 4 примеры показывают, что стилистические расхождения нередко сопровождаются другими факторами. В частности, перед суффиксом *-ива-* мог реализоваться только альтернант *ч*, а употребление весьма редкого гетерогена, где неполногласный корень имеет восточнославянскую финал, видимо, было результатом контаминации «русификации» и воспроизведения «официального» облика слова в тексте грамоты к Ивану Грозному.

Следует отметить, что зарегистрированные в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» морфологические корреляты *отвѣчати*, *отвѣчивати* // *отвѣщати*, *отвѣщавати*, *отвѣщевати* наряду с совпадением ряда значений имели и определённые отличия, что показано в таблице 5, составленной на основе «Словаря русского языка XI–XVII вв.». Ср.:

Таблиця 5. Семантические различия образований с корнем (от)вѣч- и /(от)вѣщ-

Отвѣчати. 1. Отвечать. XV в. 2. Нести ответственность за что-л. 1284 г. 3. Быть ответчиком на суде. XVI в. ~ XV в.	Отвѣщати. 1. Говорить в ответ. XII в. // Возражать. 1057 г. 2. Нести ответственность, отвечать за что-л. перед кем-л. (1193). 3. Говорить в защиту, отводя обвинения от кого-л. 1057 г. 4. Выносить приговор, решение; приговаривать, решать. XV в. ~ XIII в. 5. Определять, назначать. 1499 г. 6. Отзываться, откликаться, реагировать на что-л. XIV в. 7. Пророчески возвещать, предсказывать. 1057 г.
Отвѣчивати. 1. Отвечать. 1492 г. 2. Быть ответчиком на суде. 1477 г.	–
–	Отвѣщавати. 1. Говорить в ответ. 1057 г. 2. Вещать, провозглашать. XVII в. 3. Объявлять кем-л., каким-л. XVI ~ 1089 г.
–	Отвѣщевати. 1. Отвечать (на вопрос), разъяснять. XII–XIII вв. 2. Говорить в защиту, отвечать на обвинение. XIV–XVI в. 3. Возражать. XIV в. 4. Объявлять кого-л. кем-л. или каким-л. XVI в.

Наличие большого количества значений (даже с учётом совпадений) у представленных в таблице 5 слов с южнославянским по происхождению рефлексом, на первый взгляд, подтверждает мнение П. Д. Филковой о церковнославянизмах (в том числе иллюстрируемых приведёнными коррелятами), обязанных «своим проникновением потребностям русского языка в средствах для обозначения дополнительных семантических оттенков в «поле» значений соответствующей группы исходных слов» [23: 29]. Однако смыслозначительная оппозиция в этих случаях была минимальной, а с утратой достаточно распространённых форм аориста, зафиксированных в памятниках письменности исключительно с южнославянским рефлексом *tj, и устранением вариантности в образовании имперфективов (-а-/-ива-/-ева-/-ва-) практически была сведена к нулю. Кроме того, редкие варианты на -евати/-овати были тождественны по значению с вариантами на -ати и создавали лексическую «избыточность» (Ю. С. Сорокин), которая, естественно, распадается в пользу наиболее соответствующего системе русского языка варианта [см. 20: 140]. В результате закрепляется широко распространённая в памятниках письменности (за исключением церковнославянских текстов) форма *отвѣчати*, обладавшая более гибкой семантической структурой в связи со способностью реализоваться в самых различных контекстах в отличие от традиционно закрепившихся

в определённых синтагмах и образованиях (обычно в аористе) морфонологических коррелятов.

В заключение считаем необходимым подчеркнуть, что стилистический и семантический критерии не являлись ведущими даже в тех немногочисленных случаях, где был возможен отбор генетически неоднородных рефлексов *tj. Как правило, распад стилистически маркированных коррелятов происходит, судя по памятникам, в XV–XVIII вв. в соответствии с рано сложившимися общими критериями размежевания генетически неоднородных типов чередования: закреплением соответствующего альтернанта в наиболее характерной для него позиции (например, только [ч] перед суффиксом -ива-) и гомогенностью облика корня по всей цепи образований с полной парадигмой чередований.

Таким образом, широта привлечённых источников позволяет дать более-менее объективную картину соотношения и отбора слов с рефлексами *tj, а следовательно, – перенести научные изыскания из декларативных утверждений о той или иной основе русского литературного языка в сферу изучения реальных процессов функционирования генетически соотносительных явлений в системе русского литературного языка. В этом состоят и перспективы подобного исследования, позволяющего с большей степенью достоверности раскрыть механизмы формирования гетерогенности русского литературного языка.

Примечания

- * В конце дефиниции указывается первая фиксация данного значения в памятнике письменности.

Литература

1. Сочинения Аввакума // Русская историческая библиотека, т. XXXIX. Памятники истории старобрядчества XVII в. – М., 1927. – Кн. I, в. I.
2. Казанцева Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI в. – М.; Л., 1955.
3. Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Подгот. к печати Т.А. Сумникова и В.В. Лопатин / Под ред. Р.И. Аванесова. – М.: Наука, 1963.
4. Русская правда // Карский Е.Ф. Русская правда по древнейшему списку. Введение, текст, списки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. – Л., 1930, с. 63-88.
5. Послания Ивана Грозного / Подгот. текста Д.С. Лихачёва, Я.С. Лурье / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – М.; Л., 1951.
6. Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. // Полное собрание русских летописей. – М., 1965.
7. Ягич И. В. Служебные Миней за сентябрь, октябрь, ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095-1097 гг. // Памятники древнерусского языка. – СПб., 1886.
8. Повесть XV–XVI в. / Сост. М. О. Скрипиль. – Л., 1958.
9. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1975–2008. – Вып. 1–28...
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. Дополнения и изменения. Тетрадь первая. А–Б. – М.: Наука, 2006.
11. Словарь русского языка XI–XVII вв. Указатель источников в порядке алфавита сокращённых обозначений. – М.: Наука, 1975.
12. Словарь русского языка XVIII в. – Л.: Наука, 1984–2007. – Вып. 1–17...
13. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. – М., 1958. – Тт. I–III Д. (дополнительный).

14. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка. 2-е изд., перedel. / Фёдор Иванович Буслаев. – М., 1863. – Ч. 1, 237 С.
15. Бекасова Е. Н. Миф о превосходстве южнославянских по происхождению рефлексов в истории русского языка / Е. Н. Бекасова // Филологические науки. – 2005. – № 2. – С. 42–49.
16. Бекасова Е. Н. О генетической организации системы русского литературного языка / Е. Н. Бекасова // Вестник Оренбургского гос. ун-та. Гуманитарные науки. – Оренбург, 2005. – № 2. – С. 90–94.
17. Бекасова Е. Н. О специфике трансплантации и ауто трансплантации в текстах церковнославянского и русского языков / Е. Н. Бекасова // Вестник Челябинского гос. ун-та. Сер. «Филология и искусствоведение». – Челябинск. – 2008. – Вып. 21. – С. 28–32.
18. Бекасова Е. Н. Статус рефлексов *dj в памятниках церковнославянского языка русского извода / Е. Н. Бекасова // Вестник Московского государственного открытого университета. Сер. «Русская филология». – Москва. – 2008. – Вып. 3. – С. 5–11.
19. Колесов В.В. Древнерусский литературный язык / Владимир Викторович Колесов. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1989. – 672 с.
20. Мальцева И.М., Молотков А.И., Петрова З.М. Лексические новообразования в русском языке XVIII в. / Отв. ред. Ю. С. Сорокин. – Л.: Наука, 1975. – 371 с.
21. Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.) / Борис Андреевич Успенский. – М.: Гнозис, 1994. – 240 с.
22. Успенский Б.А. История русского литературного языка как межславянская дисциплина // Успенский Б.А. Избранные труды. – Т. III. Язык и культура, 2-е изд., испр. и доп. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 121–143.
23. Филкова П.Д. Слова с сочетанием -ЖД (из *dj) в истории русского литературного языка // Годишник на Софийския университет. Факультет на славянски филологии. – София. – 1979. – Т. 62. – С. 3–70.

Бекасова Олена Миколаївна – доктор філологічних наук, доцент, декан філологічного факультету Оренбурзького державного педагогічного університету.